

„весеннего“ ветра, большевизм развалится сам от себя, как падает с дерева изнутри подгнивший плод.

Порабощенные народы свергнут тяжелое иго московских оккупантов, чтобы захватить собственной независимой жизнью, чтобы наверстать экономические и культурные потери, чтобы догнать далеко опередившую их Европу, чтобы стать активными членами международной семьи!!

Америка и большевики.

По сообщению „New York Herald“ — американское правительство имеет в руках материалы, свидетельствующие о том, что московский Коминтерн, при посредстве своих агентов, организовал последние забастовки в Соединен. Штатах и дезорганизовал американские военные части в Никарагуа.

В связи с этим американский министр иностранных дел Келлог сделал следующее заявление:

„Правительство Соединен. Штатов не думает, что систематическое вмешательство советских агентов во внутренние дела С. Ш. могло бы иметь какие-либо серьезные последствия. Но само собою разумеется, что правительство отнюдь не думает, что за это вмешательство оно должно награждать советы признанием их.

Кроме этого правительство С. Ш. полагает, что советы проявляют свое исключительно враждебное настроение, разрешая своим агентам и далее продолжать разрушительную деятельность на территории С. Ш.“

Возобновление дружеских отношений с Россией, таким образом, чем далее все более становится невозможным.“

Казачья эмиграция.

Из жизни калмыков-эмигрантов в Сербии.

Весна 1928 года принесла калмыкам-эмигрантам печальную весть из Сербии: умер Бакша Платовской станицы М. Д. Боронов, являющийся общепризнанным духовным главой всех калмыков в Королевстве С. Х. С.

Смерть этого достойного Представителя калмыцко-буддийского духовенства является невознаградимой потерей для всех калмыков-казаков Платовской станицы. Мало того, кончина Бакши Боронова, является тяжелым ударом и для всех донских калмыков-казаков, ибо в его лице ушел из калмыцкой жизни один из выдающихся религиозных и общественных деятелей. Он заслуженно и справедливо являлся авторитетным Представителем всех калмыков и являлся видным центром их объединения, которое так нужно, особенно за границей, на чужбине.

Всем известен его высокий авторитет, его глубокое знание в буддийской дисциплине, его преданность своей религии, его безграничная отзывчивость и стойкая защита им прав и интересов своей паствы.

За эти его качества проникся к нему уважением, а через него питал симпатию и ко всем калмыкам. Американский Посол в Белграде Сэр Джон Дунелей Принс, который часто бывал у него и принимал его у себя и который на могиле Бакши произнес речь, проникнутую глубокой сердечностью.

На склоне жизни покойному Бакше пришлось вынести немало тяжелых испытаний, нравственных и физических: видел надругательства над своей религией, видел физическое истребление и хозяйственное разорение своего народа. Но ничто не убило в нем веры и силу правды, добра.

Намыленная веревка большевиков, пуля красногвардейца не раз угрожали жизни покойного Бакши, не раз кровавая угроза врагов написала над ним. Долго он сидел в Великокняжеской тюрьме, день изо дня ожидая верной смерти от рук озверелых большевиков, пока счастливая случайность не вырвала его из когтей смерти...

Много пришлось покойному Бакше перенести, пока он не нашел прибежище в благородной стране Сербов, Хорватов и Словенцев. Всем памятна его бедная жизнь в Сан-Стефано, Буяк-Дере, Стамбуле...

Палачи нашего многострадального народа живы и властвуют еще. Но Правда побеждает: придет час и победы над врагами нашего народа. Верю в неизбежное наступление этого часа и жил покойный Бакша, но он не дождался наступления этого светлого дня, радостного часа возвращения в наши Родные Края, в наши степи раздолбные...

Да обретет его душа Божеский мир!

Пусть память о нем вечно живет в наших душах и, как добрый гений, облегчит нашу грустную жизнь на чужбине...

Осень же этого года принесла нам, калмыкам-эмигрантам, неожиданную, нечаянную радость. Заместитель покойного Бакши, Бакша Денисовской станицы, Умалдинов письмом сообщает, что сербский гражданин Милоша Ячимович пожертвовал калмыкам в Сербии 300 кв. метров земли, в Белграде, и достаточное количество кирпичей и черепиц для постройки калмыцкого Храма (Хуруда) и калмыцкой школы; другой серб Радиславович обзавелся дать на эту постройку другие необходимые строительные материалы (песок, известь и проч.), а два другие серба явились первыми жертвователями в фонд постройки этого Храма и внесли по 500 динар. Архитектором составлен план постройки будущего Храма и здания школы и расход, сверх пожертвованных материалов, определен в 60 тысяч динар. Организована Строительная Комиссия, которая открыла сбор пожертвований.

Мы перим и убеждены, что калмыки широко отзовутся на это дело и сбор пожертвований даст хорошие плоды. Иначе быть не может!

И по истине „свет не без добрых людей!“ Ныне калмыки, при помощи добрых людей, будут иметь свой Храм (Хуруд) в столице Королевства С. Х. С.!

Храм, разрушенный большевиками, воздвигается при помощи сербов; потерянный на Родине, обретается на чужбине.

Ныне калмык, потерявший свою Родину, одиннадцатый уж год лишенный того наивысшего блаженства, какое он получал в буддийском Храме, того благодатного успокоения и смирения души, какое достигал в сосредоточенной молитве перед ликом кроткого Будды, — ныне он будет иметь возможность молиться и духовно очищаться в калмыцком Храме.

Этим калмыки будут обязаны доброму сердцу серба Милоша Ячимовича, сделавшего такой щедрый дар для дорогого калмыцкой душе дела.

Среди всех превратностей судьбы, которых нам, калмыкам, приходится претерпевать вдали от Родины и родного народа, нам бесконечно дорого и ценно каждое доброе отношение, благородная, безкорыстная помощь.

Поэтому мы не ошибемся, если скажем, что все калмыки-эмигранты выражают искреннюю благодарность доброму славянину — сербу Милошу Ячимовичу: великое ему спасибо за его щедрый дар.

Его имя, его доброе дело никогда не забудут благодарные калмыки.

Его дар особенно знаменателен и ценен тем, что

он приходит на помощь в наиболее дорогой и ценной для калмыка области — в области веры и просвещения.

Да будет ему благо!

Желаем успеха и калмыкам-строителям своего буддийского Храма и Школы в Королевстве С. Х. С.

Ш. Б.

Балалаечные Кубанцы.

Неужели есть такие? — Есть! Нашел их корреспондент „Пути Казачества“ г. Мохначев. Вот они, полюбуйтесь: „сидят они — в русских сатиновых рубашках малинового цвета, в сатиновых голубых шароварах на выпуск, в сапогах сафяновой кожи, подпоясанные поясами из шнуров“...

... „Великолепно, — говорят улыбки французенок“.

Как же не „великолепно“, когда это говорят такие авторитеты, знатоки Кубанского Казачества, как „улыбки французенок“ и прекрасно владеющий языком улыбок г. В. Мохначев.

И напрасно г. историки от древнейших времен, вплоть до нашего Федорова, доискиваются: откуда пришли, куда пришли, в чем пришли...

Балалаечные кубанцы из „Пути Казачества“ знают это не менее „прекрасно“ чем прекрасные улыбки прекрасных французенок и сам г. Мохначев.

Оказывается, пришли они, „кубанцы“ на Кубань „именно в таких рубашках (сатиновых малинового цвета) в голубых штанах на выпуск, в сафяновых сапожках, подпоясанные поясами из шнуров... „с русским языком, с русской верой, с русскими песнями и с русской кровью“...

Ну, разве не ясно — кто и откуда? Ясно. Только одно маленькое упущение: пришли на Кубань не только „их деды и прадеды“, но и они сами. И не только „с русским языком, с русской верой, с русскими песнями...“ но и — с русской балалайкою.

Видели мы их не раз на своих покосах. Правда — не в сафяновых сапожках, а в лаптях. Ибо — разница: кубанские покосы и французское Виши. И песни их слышали:

... Ен по сенюшкам похаживал,
Балалаюшку налаживал...

С'ехидничал корреспондент „Пути Казачества“. Подковырнул балалаечных кубанцев. За живое задел: — „Какие же вы русские, когда вы Кубанцы, славыные джигиты...“

И, конечно, гордо обиделись уязвленные, русско-сатинные Кубанцы. —

— Не замай... Балалайка наш струмент. Потому, значит, с нею на Кубань пришел... А насчет джигитов и всего прочаго...

Это... это, по мысли г. Мохначева специалитет кубанцев из „Вильного Козацтва“.

Против этого, конечно, возражать не приходится. Не по милому — хорош, а по хорошему мил.

И сама по себе корреспонденция г. Мохначева не заслуживает, чтобы о ней говорить. Эка невидаль, что какой-то Мохначев расчувствовался, увидав на подмостках салтычихинных казаков!

А м. б. в том „страшном одеянии“ были и вправду — кубанцы... В одном цирке, напр., кубанец, вымазавшись сажей, негра представлял и „настоящий чарльстон“ отплясывал. И в том необычного для нас, эмигрантов, ничего нет: кушать же надо!

Но больно, стыдно за тех, кто счел нужным поместить эту сафяновую белиберду на страницах журнала, носящего название: „Пути Казачества“.

Неужели же их сердцу так мила сцена из помещицкого крепостного театра?

И неужели же их путь: —

Великая Россия и — скоморошное Казачество в ней?

В. К.

В Казачьих Землях.

Самостийное движение в Казачьих Землях в 20, 21 и 22 г. г.*)

По прошествии не очень большого времени спокойной жизни, в станицу прибыла Чека в составе трех человек, молодых, совершенно чужих, незнакомых населению. До сего времени, жившие мирно офицеры, военные чиновники и казаки (лучшие хозяева), уже было примирились с советской властью, как с неизбежным насилием русских большевиков над Казачеством. Все походило на оккупацию.

Первая работа Чека сказалась в аресте офицеров и высших чиновников, ссылка их в Новочеркасскую тюрьму на короткое время, потом — в концентрационные лагеря в Тулу или Архангельск.

„Важных преступников“, участвовавших в освободительном восстании Донских Земель 1918 года, не оказалось в Туле, с ними рассчитались еще в Новочеркасской тюрьме. Во вторую очередь попало и казакам простым, тем, кто побогаче, т. называемые „кулаки“, чиновные казаки, как подхорунжие, вахмистра, георгиевские кавалеры. Особенно ценились кавалеры противобольшевицкой войны. При посредстве казаков, служивших в коммунистической ячейке (были и такие), некоторые казаки знали заранее о своем аресте и предпочитали лучше уходить в камыши, чем попадать в большевицкий застенок.

Казаки — коммунисты были, собственно говоря, редким явлением, например: два родные брата во время восстания хотели убить одного офицера-казака и были поэтому в бегах после неудачного покушения; еще два были дезертирами из полка и в свое время

получили в станице по десятку плетей, стаж вполне довольный для того, чтобы их приняли в комячейку.

Тем-же, кого не успевали вовремя предупредить, приходилось убегать из тюрьмы с опасностью для жизни. Всего из нашей станицы больше пятидесяти человек находились в болотах и степях. Мне лично, за семь дней свободной жизни в станице, пришлось много морально перестрадать не от казаков-коммунистов (всего четыре человека), которые даже не дали меня в первый же день арестовать, а от инородных. Все они в свое время нашли у нас приют, заработок и жили недурно, но в благодарность отплатили за все с избытком. Вот случай со мной. Прохожу улицей, стоит компания „добедителей“ русских и обзывают самыми скверными и оскорбительными словами. Если бы только услышали мы, станичники, как поносили они казачество и все наше! Хуже немцев. Я все-же был постарше и посильней их, схватил на повороте одного со скрежетом зубовым, стукнул его об стенку. Вечером-же, когда я шел мимо церкви, подходят ко мне с револьвером, насилие удалось в темноте улизнуть от них.

Казаки чувствовали себя бесзащитными. Частенько, выражая свою ненависть, шушукались между собой. Чешутся, говорят, руки, неведомо почему больше. А пожелдоваться то и некому, к атаману не пойдешь. Атаман — бедняга сам в камышах со своими помощниками. В исполком и не совайся. Бывшее станичное правление, теперь облещено по стенам портретами, карикатурами, воззваниями — грамотному человеку хватало бы читать на неделю.

И сидят там вместо бывших почетных стариков-казачков, хозяев Атаманского Правления, невзванные гости-молокососы. Из собраний в исполкоме нет ни одного из станичных казаков. Когда я некоторых спро-

*) См. № 19—20 „В. К.“